

HAMMER AND BOLTER

ISSUE 8

WARHAMMER
WARHAMMER
40,000

Молот и болтер № 8.

Командующий Тень.

Браген Кэмпбэлл.

Я -- воин касты огня. Я уже видел кровавые битвы там, где Высшее Благо пыталось одолеть

так распространившуюся по галактике тьму дикости. Да, смерть и разрушение обратительны, но теперь я знаю скрытую истину. Они -- неизбежный побочный продукт воспитательной

миссии нашего народа. Их нельзя избежать, и поэтому должно принять. Этого урока нет в

программе военных училищ Борк'ана. Этому меня смог научить лишь опыт службы

смотрителем Киферии.

Всё началось с битвы у гряды Герцона. Моё просвещение, а не конфликт с мятежниками

гүэ'ла. Вы уже знаете, что борьба затянулась. В начале мы добились больших успехов и на

третий день оккупации уничтожили
целое бронетанковое подразделение
основных сил

обороны планеты, воинов из «сента
Ка'Ташун». Но они отказались сдаться,
несмотря на

сокрушительное поражение в честном бою.
Остатки ка'ташунцев отступили в
джунгли и

продолжили нам досаждать самым
нецивилизованным образом. Они
отказались от всей

когда-то носимой стандартной воинской
униформы, что сделало ка'ташунцев
внешне

неотличимыми от покоровшихся нашей
власти гражданских гүэ'ла. Они
прятались, вместо

того чтобы открыто вступить в бой, и
нападали лишь на уязвимые цели. Это
были столь

грязные, столь подлые приёмы, что в
нашем языке для них не существовало
слова. Позднее

мой советник, Нор'эль Тан'бай, сказал, что гүэ'ла называют подобное жестокое противостояние «партизанищиной».

Что же за существа могут считать это приемлемым методом? О, мне стоило давно задаться себе

этот вопрос, ведь ответ на него ясно показал, какие стоит принять меры. Но я потратил время

зря. Пытался вступить в переговоры. Воззвать к рассудку. Надеялся, что, в конце концов, они

поймут и осознают тщетность сопротивления. А затем меня вызвали в ущелье Марэ'Таа.

Опасаясь ка'ташунских снайперов, я летел в модифицированной пирание. Обычно открытый

верх скиллера скрывал тяжёлый купол без окон, даже кабина была полностью закрыта. Мой

пилот ориентировался с помощью видеозэкранов и установленных на корпусе камер. Я не

видел местность, пока приближался к
пункту назначения, но мог представить,
что проносится

мимо. К тому времени мы уже
отдалились от равнин и направлялись к
горным джунглям:

тёмно-красная листва, бурные реки и
неровная земля. С одной стороны от меня
шла

магнитнолевитационная линия: колея,
которая однажды соединит
высокоскоростными

монорельсами две крупнейших колонии на
Киферии.

Инфраструктура. Вот с чего начинается
Империум Тау. Когда я прибыл сюда, жизнь
должна

была бы вызвать у гүэ'ла стыд: машины
изношены, городские центры больше
похожи на

осыпающиеся развалины. Они считали всё
приемлемым, потому что не знали ничего
другого.

Я начал это менять. Вскоре на Киферии

появились чистая питьевая вода и свежая пища. В

нормальные здания поступало достаточно энергии. Но ка'ташунцы продолжали звать нас

угнетателями. Они продолжали и тогда, когда я ехал к ущелью. Всё утро по радиоволнам

передавался пиратский сигнал, в котором они брали на себя ответственность за атаку на

станцию снабжения.

- Враз дрогнул, -- вещал голос сквозь помехи. -- Сегодня мы нанесли решительный удар во имя

свободы, и в грядущие дни и недели сделаем это вновь. Мы не успокоимся, пока ксеносы не

будут истреблены. Люди, крепитесь, ведь Император на нашей стороне. Его гнев близок, и

скоро он избавит нас от притеснения тау! Пока что никто не смог засечь источник передач. Это сводило с ума.

Машина затеделлаась, купол откннлся.
Выбравшнсь нз заднего отсека ннраньн, я
сразу

увндел Тан'бая. Как обычно, он прнбыл
раньше меня. Впервые я встретнл Тан'бая
в день

начала аннекнн Кнфернн н с тех пор
счнтал ндеалом касты воды. У него всегда
была

наготове нужная ннформация ещё до того,
как я её запрашнвал. А поведене было
нензмнно

спокойным. Тан'бай словно нкогда не
нспытывал тревог нлн сомнений. Когда он
говорнл, то

предложене шлн сплошным потоком без
остановок н пауз для раздумнй.

Руки Тан'бая были скрыты в шнроких
рукавах мантин, когда он почтнтельно
поклоннлся. В

небе ярко светнло оранжевое солнце, но
безмятежное лнцо скрывала тень огромной
шнрокополой шляпы. После многих лет
обученея дипломатнн н тежнвылым

переговорам

Тан'бай начал постоянно говорить о себе во множественном числе. В его голосе можно было

услышать накопление политического капитала. Так, словно он говорил для блага всей расы

тау.

- Шас'о почтил нас своим присутствием, - начал Тан'бай. - Хочет ли он услышать нашу

начальную оценку предшествующих его появлению событий?

Он стоял так близко, что закрывал собой весь виг.

- Ну? -- проворчал я. Не помню, когда последний раз спал больше четырёх часов. - Что

случилось?

- Наш народ пострадал от очередной атаки отступников-гүэла из сента Ка'Ташун. Небольшой

контингент воинов огня, назначенных охранять это место, пал в бою и за

доблестную оборону

бюджет вспоминаться со всем должным
почётом. Куда больше погибло
представителей касты

земли: инженеров и техников,
участвовавших в построении
магнитнолевитационного моста,

который, к нашей великой печали, был
полностью уничтожен.

Он покорно шагнул в сторону, пропуская
меня вперёд. Ущелье Марэ'таа, если вы
незнакомы с

Киферией, это часть разделяющего
большую часть континента разлома. Уже
не знаю, давал ли

кто-то название текущей по дну реке. В
целом расстояние между стенами каньона
очень

велико, но конкретно здесь они близки.
Соответственно это естественное место
для создания

моста магнитнолевитационной системы.
Несколько месяцев назад я видел
архитектурные

планы. Я не эксперт, но мне они показались очень приятными с точки зрения эстетики.

Ответственный за проект фио'о улыбался, когда описывал его, но что он бы делал сейчас?

Завершённая часть моста подорвана неоднократными попаданиями ракет и самодельными

взрывными устройствами. От грациозных белых арок и опорных колонн остался лишь почерневший смятый металлический каркас. С оседающих в реку обломков поднимались

струи едкого дыма.

А затем я увидел тела. Команда быстрого реагирования с почтением разделила их на две

группы - с одной стороны каста земли, с другой - огня. В них навших организовали по рядам

и колоннам в порядке от занимавших самые высокие посты до простых тружеников. Позднее

в соответствии со старыми как само
Высшее Благо традициями как рабочих
погребут в земле, а солдат кремируют.
Полный порядок и спокойствие должны
были бы принести мне хоть

каплю покоя, но нет. Одно лишь число
погибших развело такие чувства.

- Четыреста семьдесят семь убитых,
спокойно сообщил Тан'бай. -- Раненых нет.

Я повернулся к нему.

- Значит выживших нет? Вообще?

Лицо дипломата осталось бесстрастным.

- Это часть причины, по которой мы
попросили Шас'о прибыть лично.

От усиливающегося полуденного зноя я
моргнул.

- Ну что ещё?

Несколько зданий продолжали сиротливо
стоять рядом с уничтоженным мостом.
Тан'бай

провёл меня к зданию, где ещё недавно
ремонтировали тяжёлое подъёмное
оборудование.

Теперь же там был наскоро

организованный полевой штаб. Когда мы
вошли, несколько
воинов огня среднего ранга оторвались от
важных дел, чтобы поклониться. Меня
привели в
маленький кабинет с двумя креслами
перед большим видеоэкраном. На
ближайшем столе
лежало несколько металлических трубок
разных размеров. Я сел, а Тан'бай закрыл
дверь и
выключил свет. Он вытащил
информационный кристалл из скрытого
кармана и, вставив его в
разъём машины, беззвучно опустился в
кресло рядом.
Мелькавшие передо мной сцены были
записями, извлечёнными из повреждённых
или
уничтоженных дронов-охранников. Должно
быть, они находились не только на самолётах
мосту,
но повсюду вокруг стройки, поскольку
перспектива постоянно менялась. Сквозь

их

электронные глаза я с растущим ужасом наблюдал, как каташунцы начали внутреннюю атаку.

Никто не увидел первый залп, но услышали, скорее всего, все. Сначала раздался

приглушённый грохот, а затем пронзительный вой. Многие из касты земли изумлённо

оглядывались или поворачивались, чтобы спросить других, не слышали ли они что-то. А

затем первая ракета врезалась в опорные колонны. Мост согнулся, и, когда рабочие

побежали, часть настила сдвинулась. С ужасным, режущим уши звуком весь мост прогнулся

вниз. Пытавшиеся спастись так отчаянно пытались за что-нибудь уцепиться, но тщетно. С

расширившимися от ужаса глазами рабочие падали вниз, вниз в ущелье, где

разбивались об

острые камни или тонули в бурном потоке.

Элемент неожиданности иссяк. В отличие от рабочих наши солдаты были спокойными,

дисциплинированными. За считанные секунды они разделились на сплочённые отделения и

начали стрелять в ответ. Импульсные ружья в клочья разрывали ветки потрескивающими

энергетическими лучами. Теперь стреляли даже дроны, которые следовали пограммам и

эскадронами объединялись в сеть. Но, несмотря на шквальный огонь, было невозможно

сказать, попали ли они на самом деле в таившихся под пологом джунглей каташуцев.

Тихий, упорядоченный утренний покой сменился какофонией битвы.

Всюду небольшие взрывы. В земле

появлялись воронки от снарядов или тяжёлой картечи.

Затем произошли две вещи. Рабочие начали хвататься за шею и тяжело сопседать, а воины огня

резко запрокидывали голову и замиртво падали на землю. Появились облака густого красного

дыма. Сначала я не понимал, что происходит. Было очевидно, что воинов огня выцеливают

издалека снайперы. Однако, учитывая, как быстро погибали тау, вражеских стрелков должно

было быть действительно много. Упавшие рабочие и инженеры хватали руками воздух и

словно не замечали вокруг ничего. Их глаза лезли из орбит, а лица багровели. Внезапно один

из касты земли забился так сильно, что я услышал треск его позвоночника. Нечто вырвалось

из его рта и носа. Тело дёрнулось в

последний раз, и рабочий затих. То же происходило со

всеми. Каждый тау без спецкостюма защиты от окружающей среды, похоже, задыхался в

эпилептическом припадке. Дрейфующие вокруг клубы красного дыма становились всё гуще.

Я повернулся к Тан'баю.

- Химическое оружие?

Дипломат плавно взмахнул рукой. Он часто так делал, словно от чего-то отмахиваясь.

- Сент Ка'Ташун широко известен применением крайне опасных ядов.

- Да, я полню про их снайперов, - недовольно ответил я. Я в мельчайших деталях изучил

методы и тактику ка'ташунцев. -- Но не это. Это сбросили в снарядах. Что означает

использование переносных миномётов и наплечных ракетных установок.

Теперь видеоэкран показывал картину

смерти. Сотни представителей касты
земли скорчились

на земле. Красная дымка сочилась из всех
отверстий. Погибли и мои товарищи-
воины.

Остались лишь дроны, но очередями
лазеров и с ними быстро разобрались. Те,
что не

взорвались сразу, закружились, когда
отказали лётные системы. Упавшие дроны
запечатлели

странно изменившийся мир, где небо и
земля поменялись местами или просто
завалились на

бок.

- Ещё и в таком количестве, - продолжил
я. -- Как они смогли произвести так много
токсинов

при столь ограниченных ресурсах?

- Мы полагаем, что у яда органический
состав, - ответил Тан'бай. -- Нам
неприятно говорить

это Шас'о, но им изобилуют глубокие
джунгли, куда сейчас отступили наши

враги.

С этими словами он встал и подошёл к столу. Тан'бай поднял одну из серых металлических

трубок и передал мне. Цилиндр был с одной стороны запечатан и достаточно широк, чтобы

там поместилась моя рука до локтя. Всё внутри покрывал густой красный порошок.

Я провёл

по нему пальцем и сразу ощутил укол жгучей боли.

- Это же пыльца спорового стручка, - понял я. Главный континент Киферии покрывали жаркие, зловонные дождевые леса, такие густые, что через них почти невозможно было

пробраться. Они были готовы для всевозможных кусачих и ядовитых тварей, но мало что было

хуже куста хата'ле. Плоды этого покрытого листьями красного растения были пустыми

стручками размером со сжатый кулак.

Малейшего давления было достаточно, чтобы

вырвалось дымчатое облако спор – опасных как для тау, так и для гүэ'ла, обжигающих открытую кожу и при попадании внутрь вызывающих кровотечение.

- Это действительно они.

- Они могут быть опасны, но не смертоносны. Не настолько, - я показал на видеоэкран, где продолжалась резня.

Сан'бай ответил пугающе спокойным голосом.

- Похоже, что ка'ташүнцы смогли как-то усилить естественную токсичность растения.

Модифицированные споры попадают в тонкие мембраны дыхательного тракта, где

начинают практически немедленно размножаться. Это вызывает не только внутреннее

кровотечение и токсический шок, в конце жертвы просто задыхается, когда хата'ле

пускает

корни в груди и носовых полостях. Увиденные тобой вырывающиеся из ртов жертв похожие

на губку наросты на самом деле являются их лёгкими, выдавленными разрастающимся растением.

- Как? Как они это сделали?

- Увы, Шас'о, на это нам ничего ответить. Но можно быть уверенным в одном. Перед нами

оружие, которое работает на двух уровнях. Первый продемонстрирован здесь, а второй,

возможно даже более опасный, это вызываемый страх, страх среди нашего населения, как

среди тау, так и среди социализированных гүэ'ла. Страх ведёт к недоверию, недоверие к

отсутствию гармонии, а это, как хорошо знает Шас'о, для Высшего Блага анафема.

- Использовать страх как оружие... --

прошентал я. Меня просто тошнило от
дикости

ка'ташүнцев. Я быстро поднялся и
направился к выходу. А затем услышал
голос, говорящий

на резком языке врага.

- Сэр, этот ещё фұрычит.

Я резко обернулся к видеоэкрану. Кто-то
поднял упавшего грона, чей глаз-камера всё
ещё

работал. На миг изображение смазалось, а
затем остановилось на лице гүэ'ла. Его
кожу

покрывал густой слой грязи и какого-то
красного камуфляжа. Вокруг рта и
челюстей росла

колючая шерсть. Брови были тяжёлыми и
тёмными, а в глазах сверкала раскалённая
добела

ненависть.

- Шас'о Пра? -- он ухмыльнулся. -- Ты меня
слышишь?

По выбору оскорбления я сразу понял, кто
это. Так меня называло лишь одно

существо на

Киферии. Эзра Михалик, самозванный
предводитель сента Ка'Ташун.

- Конечно слышишь, - продолжал Эзра. -
Твой дипломат притащит тебя сюда
ради

исполнения процедуры. И, что важнее,
одного урока. Ты наверняка захочешь
увидеть это сам.

Из-за камеры донёсся стех.

- Буду краток. Эта атака была
испытанием и, думаю, чертовски
эффективной. У тебя и твоих

войск есть восемь дней, чтобы покинуть
Киферию. Если ты этого не сделаешь, то
твоя бойцы

выпустят споры в каждом населённом
центре планеты, и не думай, что я не
сделаю этого из

жалости к другим людям. Знай, что в
твоем понимании каждый, кто не помогает
бороться с

тобой, является предателем и поэтому
заслуживает того, что получит. Восемь

гней, Шас'о

Пра, или ты увидишь смерть своих людей.

Он отвернулся и кивнул. Дрона бросили
обратно на землю. С новой точки
наблюдения я

видел, как удаляются несколько сапог.

Тан'бай молчал. Возможно, он давал мне
время подумать. Или просто нечего было
больше

говорить. У меня была одна неделя, чтобы
слобить сопротивление. Лишь неделя,
чтобы

как-то найти Эзру Михалика и
остановить его. Я потню, как думал, что
покажу ему, что я не
командующий Тень.

Эзра Михалик придумал это
оскорбительное прозвище во время наших
первых и

единственных переговоров. Это было
примерно за месяц до атаки на
строительную станцию.

Тогда я ещё страдал от заблуждения, что
он мыслит логически. Поэтому я

отправил

сообщение, что хочу встретиться с Михаликом и попробовать положить конец вражде. Вскоре

моё предложение приняли. Двое тускulyстых ка'ташунских солдат появились у ворот

особняка. Они были одеты лишь в тяжёлые сапоги и камуфляжные штаны. Каждый носил на

голове ярко-красную повязку. Вооружены ка'ташунцы были лишь ножами, а к спине одного

было привязано какое-то громоздкое устройство связи. Они представились охранникам

желающими увидеть меня посланниками сената Ка'Ташун, но после этого стоически молчали.

Обезоруженных и просканированных гүэ'ла привели в просторную комнату для встреч, где их

уже ждали я и Тан'бай. Они поставили громоздкое устройство на стол передо

льной,

настроили, а затем отошли, сцепив руки за спиной. Из крохотной решётки громкоговорителя

раздался голос. Он говорил на грубом, резком языке гүэ'ла. К счастью, я тоже.

- Всё окей? Ты меня слышишь?

- Да, я тебя слышу. С кем я говорю?

- Как с кем, я же Эзра Михалик, командующий пятьдесят шестой ка'ташунской ротой. Я также

говорю от имени немногих выживших из других ка'ташунских рот, двадцать шестой и

пятьдесят первой.

- Ясно. Похоже, ты решил не встречаться со мной лично.

- Да, ты очень наблюдательный.

Я поглядел на двух ка'ташунцев. Лица не выражали ничего, но в глазах была усталость.

Сан'бай склонился вперёд и начал тщательно заготовленное выступление.

- Командующий, это Нор'эль Тан'бай, говорящий от имени империи тау, и мы хотим сказать, что невероятно рады, что вы согласились на переговоры независимо от их формы. Если наши

народы смогут научиться сосуществовать, то выгода для обеих сторон, несомненно, будет неизмеримой.

- Император плачет, - тяжело вздохнул Михалик. - Ты главный?

- Если вы спрашиваете, прямо ли мы ответственны за удержание Киферии и стабильность режима, то нет. Однако если...

- Клёво, - перебил его Эзра, - тогда дай мне поговорить с тем, кто ответственен.

Я подался в кресле вперёд и заговорил с передатчик.

- Я командую нашими войсками.

- Ах, отлично, - до нас донёсся скрип, когда Михалик откинулся на спинку сидения. -

Как мне

тебя называть?

- Я ещё не выбрал имя, - медленно ответил я. -- Ты можешь обращаться ко мне по моему званию: Шас'о.

Михалик тихо устехнулся.

- Ты... ты ещё не выбрал имя? -- повторил он, словно попугай. -- Какого чёрта это значит?

Тан'бай ответил ему уроком протокола.

- Личные имена должно использовать лишь в кругу семьи и близких друзей. Во всех

остальных случаях нужно обращаться к другим соответственно их положению в жизни.

Единственное исключение может быть сделано для тех, кто заслужил право на именование

простым описанием, определённым достижением или важным положением.

- У тебя пока ничего нет, так? -- обратился ко мне Михалик.

Мне не хотелось обсуждать такую личную тему.

- Я командующий касты огня. Поэтому ты можешь звать меня Шас'о.

- Хочешь сказать, что это значит «командующий», так?

- Верно, - я всё больше подозревал, что голос на другом конце радио не намерен начинать

тихие переговоры, - Давайте начнём с...

- Просто командующий... -- прошептал Эзра, - ничего более. Поэтому, что ты ещё не выбрал

имя. Или потому, что ещё не заслужил? -- Я промолчал, глотая над ответом. Но Михалик вновь

заговорил прежде, чем я успел что-то сказать. Тихо и уверенно, - Они отдали под твою

ответственность целую планету, поэтому это не может быть первым разом.

Я прочистил горло.

- Да. Я пережил четыре испытания огнём.

- Ха, но в них не было ничего, что выделялось достаточно, чтобы дать тебе

иля? И если

«испытание огнём» для тебя это «несение службы», то как ты получил своё положение с таким

маленьким опытом?

- Командир Михалик... - начал я.

- О, можешь звать меня Эзрой. У меня-то есть иля.

- Значит Эзра. Если ты так хочешь знать, то я получил звание Шас'о после обучения в самом

престижном военном училище во всей империи. Да, я прошёл лишь четыре испытания, но

изучал искусство войны половину жизни.

Не стоит меня недооценивать, - затем я улыбнулся, уверенный в том, что мои рекомендации поставят этого предводителя мятежников из

захолустья на место.

- Значит, - после недолгой паузы заговорил Михалик, - ты начитался про войну в книгах и

теперь думаешь, что действительно

можешь руководить. Ты меня
командующего. У тебя нет
тела. Эй, дипломат, как будет «тебя» на
тай?

Если Тан'бай и был так же взбешён как я,
то буду не погал.

- Пра, - подсказал он.

- Значит, я буду звать тебя так: Шасо

Пра, - Эзра вновь обратился ко мне. -- Что
ты об этом

думаешь?

- Мне наплевать, - процедил я сквозь
сжатые зубы. -- Может, вернётся к
переговорам о

прекращении огня?

Долгое мгновение из машины раздавались
лишь фоновые помехи. Тишина так
затянулась, что

я подумал, что связь прервалась. Я уже
собирался спросить здесь ли он, когда Эзра
заговорил.

- Нет, - прямо ответил ка'ташунец.

- Что нет?

- Нет, мы не будем обсуждать прекращение огня. Видишь ли, Шас'о Пра, мы с тобой немного

похожи. Я тоже полжизни изучал войну. Вот только делал это не в какой-то милой чистой

школе, а в болотах, джунглях и пылающих городах. Я участвовал в войнах, чтобы узнать о

них. Поэтому, в интересах... дипломатии, я даю тебе выбор. Либо ты заберёшь всех своих

солдат, всех крошечных дронов и все милые машинки и свалишь туда, откуда пришёл, либо

можешь остаться здесь и попытаться со мной справиться. Теперь я точно знаю, что ты не

сможешь меня победить, но обещаю, что попытка станет настоящим образованием.

- Эзра, у меня двое твоих людей.

- Да, славные парни. Добровольцы. Знаешь, ты должен выбить из них информацию, а

потом

убить. Но думаю, что ты просто
отпустишь. Они безоружны, пока что не
причинили тебе

вреда, и это будет цивилизованным
поведением. Может ты и докажешь, что я
ошибся, но я

всё равно готов, - с этими словами он
оборвал связь. -- Увидится, Шас'о Пра.

Я отпустил его солдат.

На поиски укрытия ка'ташунцев не
потребовалось много времени.

Радиопередатчу было легко

отследить. Сначала я решил, что это
странно. Противнику прекрасно удавалась

передислокация себя и уменьшающихся
запасов оружия и снаряжения. Каждый раз,
когда

наши войска обнаруживали и уничтожали
одну из тайных баз, ка'ташунцы спустя
несколько

дней просто появлялись в новом месте. Я
понял причину лишь после встречи с
Кор'эль

Че'рогом.

Всё в Че'роге, как и в любом представителе касты воздуха, было тонким и глинным. На

экране моего стола развернулась карта, и он указал на подсвеченную зону пальцем, который

был в два раза глинное любого моего.

- Здесь, - заговорил воздушный. Хриплым шёпотом. -- Гряда Герцона.

Всматриваясь, я подался вперед. Че'рог показывал на плато в самом сердце глубоких

джунглей. Они казались совершенно непроходимыми.

- Ты уверен?

Он немного скривился.

- Шас'о, у меня нет сомнений. Мои пилоты прекрасно обучены. Это именно та локация,

которую ты ищешь.

Я поблел. Конечно он уверен. Кор'эль Че'рог - не только прославленный ветеран куда

большого числа испытаний, чем я, но и на
много лет старше. Как я мог сомневаться
в

обоснованности его действий? Недостаток
сна стал сказываться на мышлении.

Тан'бай, скромно сидевший в углу,
немедленно пришёл на помощь.

- Мы уверены, что Шас'о не хотел
проявить неуважение. Однако ставки в
данной ситуации

столь высоки, что нельзя допустить ни
малейших сомнений. Полагает, Кор'эль
согласен?

Взгляд Че'рода метнулся от Тан'бая ко
мне и обратно.

- Разумеется, - прошептал он, расправил
узкие плечи и продолжил. - Отступники-
гүэ'ла

транслировали свою пропаганду на
полпланеты, используя гораздо более
мощный передатчик, чем раньше. Засечь
источник оказалось достаточно просто.
Локацию визуально опознали, используя
снимки со спутников, а затем

перепроверили во время нескольких полётов

истребителей «барракуда», - Че'рог щёлкнул по экрану, приблизив участок гряды. Сквозь

почти сплошной полог красных листьев можно было разглядеть очертания нескольких

зданий. - Судя по записям, эти здания являются ботанической исследовательской станцией, которую несколько веков назад построили гүэ'ла.

- Ботаническая исследовательская станция, - прошептал Тан'бай. - Это объясняет, как

ка'ташүңцы смогли получить так много изменённых споровых стрүчков.

- Наши сенсоры указывают на присутствие от шестидесяти до семидесяти человек. Нет ни

следа какой-либо техники или НВО, - завершив доклад, Че'рог сжал руки за спиной и затер.

- Это просто великолепно, Кор'эль, - с

улыбкой сказал я. Высокомерный глупец,
Михалик,
позволил гордости затуманить разум.
Хвастливые радиопередачи приведут его к
гибели, и на
этой треклятой планете всё наконец-то
будет по-другому. -- Похоже, что на гряде
Герцона ты

обеспечил себе контроль над Киферией
раз и навсегда, и эта честь выпала тебе и
твоим

подчинённым. Можете приступить к
бомбардировке.

Я уже представлял, как плазменные
торпеды словно очищающий дождь
обрушатся с неба, а

вызванные взрывами циклоны развеют
прах ка'ташунцев по ветру. Быстро и
безболезненно.

Гораздо лучшая смерть, чем они
заслуживают. Ну и кто теперь твой
командира, а, Михалик?

Кор'эль Че'род нахмурился.

- При всём должном уважении, Шас'о,

учитывая природу био-оружия гүэ'ла это
бүдет крайне
неразүмно.

Я прищүрился, но тиг спүстя понял.
Конечно. Ударные волны үнесүт үцелевшие
в первых

взрывах споры в атмосферү. А затем
господствующиe ветра разнесүт их по
половине

Киферии. Не үдивительно, что Михалик
невозмутимо выдал своё местоположение,
ведь он

прекрасно знал, что я не остелюсь
испарить цитадель с воздуха.

- Он опять нагло мной смеётся.

- Шас'о? -- спросил Че'рог, и я понял, что
размышлял вслүх. Я прокашлялся, чтобы
взять себя

в рүки, а затем кивнүл в сторону двери.

- Я понял, Кор'эль. Ты исполнил свои
обязанности с честью и эффективностью.
Передай мою

благодарность своим подчинённым.

Че'рог склонил голову и үшёл. Я же

пристально взглядывался в карту, пока не заболели глаза.

Гряды нельзя было атаковать с воздуха, что оставляло единственным вариантом наземный

шторм. Однако джунгли были такими густыми, что невозможно было провести достаточное

количество боескафандров, а посланные пешие воины огня только зря угодят в ловушки и

засады ка'ташунцев. Возможно Михалик всё это время был прав. Годы обучения на Борк'ане

не смогли подготовить меня к такому сценарию.

- У гүэ'ла есть выражение, - спокойно сказал через какое-то время Тан'бай, - на которых

Шас'о возможно стоило бы поразмыслить. «Нельзя бороться огнём с огнём».

Я скривился.

- Это лишь показывает, какой они отсталый народ. Огонь -- стихия войны.

Солдат всегда

следует направлять против других солдат. Всё остальное будет нецивилизованно.

- Значит Шас'о согласится, что аксиома не верна, что, по сути, с огнём можно бороться лишь

огнём? Что подобное должно противопоставлять подобному?

- Ну да, - буркнул я без раздумий.

Тан'бай сложил пальцы вместе и поднял голову, чтобы посмотреть на потолок.

Тогда я

принял это за позу для размышлений. А теперь подозреваю, что он просто не хотел смотреть

мне в глаза. Советник глубоко вдохнул и заговорил.

- Мы просвещённый народ. Прогдемонстрированные на этой планете врагом методы ведения

боевых действий просто противны нашей природе, и это правильно. Однако в Империи живут

некие существа, которые, в основном из-за культурного отставания, не настолько цивилизованы. Мы видели их в бою. Они могут быть... очень полезными.

Снаружи садилось солнце. Тени сгущались.

- Где же?

- На восточной окраине Империи. В юности мы совершили долгий тур по мират за Разломом

Пергуса.

Воцарилась тишина. Тан'бай ждал. Он был советником, а не полевым командиром. Его делом

было предлагать пути действий, открывать двери. Входить или остаться на пороге? Выбор

целиком лежал на мне.

- Где ближайшая боевая сфера? -- наконец спросил я.

- Так получилось, что одна находится в системе.

- Свяжись с ними.

Одеяние советника зашуршало, когда он

встал. Тан'бай склонил голову и широко
развёл
руками.

- Для нас честь служить Шас'о.

Он ушёл, а я подошёл к окну и посмотрел
на землю. В беспокойном небе собирались
тёмные

облака. Где-то в джунглях Эзра Михалик
сидел на вершине гряды Герцона и
улыбался,

думая, что побил меня. Гүэ'ла был уверен,
что я недостаточно кровожаден, чтобы
ему

помешать, и не зря. Тау на такое
неспособны. Но не круты.

Во время обучения на офицера в академии
Борк'ана я изучил всех инопланетных
союзников

тау. Ростом круты превосходят даже
представителей касты воздуха, но не так
хрупки. Под

жирной кожей их конечности обвивают
связки мускулов. Головы увенчаны перьями,
а

большую часть лица занимают тяжёлые
зубастые клювы. А ещё круты - свирепые
каннибалы.

Он верят, что обретаюи силу убитых
врагов, пожирая их останки. Возможно
даже, что это не

просто суеверие гикарей. Учёные в
Илперии считают, что нечто в
генетической структуре

крутов действительно позволяет им
перенимать характеристики у любой
птицы. Несмотря на

десятилетия упорного труда их так и не
удалось отучить от этой воистину
варварской

привычки. Однако круты проявляют
такие способности к определённым
занятиям, что по всей

Илперии командиры предпочитают
закрывать на кормёжку глаза. Родной мир
крутов, Нек,

покрыт густыми хвойными лесами, и
потому они славятся способностью
пробираться даже

через самый густой подлесок очень быстро
и тихо.

Круты -- именно то, что нужно для борьбы
с ка'ташунцами так, как следует. Огнёт с
огнёт.

Я собирался лично возглавить крутов.
Хотя они и союзники, за такими дикими и
нецивилизованными существами всё же
стоит присматривать. И, что важнее,
теперь я был

полон решимости лично убить Эзру
Михалика. Не взять в плен или заставить
сдаться. Не

позволить умереть с честью или легко. Я
собирался разорвать ка'ташунца в клочья и
бросить в

джунглях на корм зверям. Он это
заслужил.

На протяжении последовавших трёх дней
я встречался с инженерами касты земли и
модифицировал боескафандр-невидимку
специально под свои нужды. Он был почти
готов,

когда пришёл Тан'бай, чтобы сообщить о

прибытии крутов. До рассвета осталось
ещё

несколько часов, а с неба лил дождь. Я
вышел из мастерской, чтобы
поприветствовать их.

Всего было сорок крутов. Они стояли в
грязи без обуви, и на них не было ничего,
кроме

случайных клочков кожаной брони.
Неприятно бурая цвета гнилых листьев
шкура выделяла

жирную субстанцию, из-за которой вода не
скапливалась, а стекала вниз.

От крутов пахло грязью и потом, солёным
и резким. Каждый сжимал в когтистых
руках

длинноствольное ружьё из дерева и
поблекшего металла. Некоторые украшали
связки перьев

или нанизанные на медную проволоку
стеклянные бусины, и ко всем были
приделаны

примитивные штыки. Вокруг были
разбросаны джутовые мешки. В сторонке

примерно три

десятка гончих сопели на протокшей
земле и злобно бросались друг на друга.

Тан'бай махнул рукой, и один крут
выступил вперёд. На поясе он носил связку
наполовину

обглоданных костей, а под левым глазом
нанёс какую-то белую окраску. В
остальном же

ничем не отличался от остальных -- все
круты выглядели для меня одинаково.

- Шас'о, - громко объявил Тан'бай, -
надеюсь, что ты рад встрече с
фортирователем Аүлом.

Я чуть кивнул, и откуда-то из недр клюва
Аүла донёсся щелчок.

- Мы поклялись сражаться за тау, - в
высоте и тоне голоса было что-то странно
мелодичное, как в эхе птичьей песни со гна
колодца. -- Их враги -- наши враги. Веди.
Мы последуем.

- Полагаю, ты осведомлён о природе нашей
операции? -- спросил я. -- Ты знаешь нашу
цель?

Аул не мог улыбнуться, ведь у него не было
зуб. Вместо этого он открыл клюв и
прищёлкнул

толстым языком по небу.

- Получишь ты свою добычу, - ехидно
сказал Аул. Он резко свистнул остальным,
и те начали

собирать скромные пожитки. Тем
временем ко мне подошёл Тан'бай.

- Удачи, Шас'о. Теперь ты уйдёшь и будешь
надеяться встретить тебя по
возвращении.

- Ты хотел бы полететь с нами? -- спросил
я, подняв бровь.

- Мы не будем нужны Шас'о, - ответил
Тан'бай. Он покосился на крутов, потом
опять

посмотрел на меня. Я никогда не видел
лицо советника таким серьёзным. -- Там,
куда он

направляется, не будет места для
дипломатии.

Два десантных корабля ждали на
ближайшем посадочном поле. Когда я

облачился в костюм

невидимки, круты уже суетливо
поднимались на борт. Я присоединился к
ним, поднял за

собой трап и приказал пилотам взлетать
. Вскоре мы уже летели над равнинами к
покрытым

джунглями предгорьям. Я проводил время
в тишине, проверяя и перепроверяя
системы

успеха. Синхронизировал встроенный
указатель местоположения со спутниками
и изучил

проложенный маршрут на проекционном
дисплее. Протестировал встроенный
генератор

щита. У, наконец, ознакомился с
автоматическим иньектором
стимуляторов,

экспериментальным прибором, который в
случае ранения впрыснет в кровь
болеутоляющие. А

круты тем временем непрерывно
трепались на своём языке вскриков,

щелчков и щебета. Они издавали лающие звуки, которые я счёл стехом. Аул небрежно размазал по ружью какое-то

густое масло, затем достал клочки ткани и начал вставлять их во все механические ниши.

Похоже, он не обращал никакого внимания на остальных, пока мы не оказались у самой зоны высадки.

Свет в пассажирском отделении сменился с белого на жёлтый, и мы начали спуск. Аул

равкнул на своих воинов, и те сразу утолкли. Кортовой люк открылся, и скоро мы уже были

снаружи. Ярко вспыхнули двигатели, и десантные корабли взмыли в воздух. Я смотрел, как

они исчезают в густых облаках. Когда же я обернулся, круты уже быстро пробивались через

густой подлесок. Я активировал систему

адаптивного камуфляжа и последовал за
ними. Это

не всегда было легко. Круты
предпочитали забираться на деревья и
прыгать с ветки на ветку.

Тончие от них не отставали. Они
мчались от ствола к стволу, то и дело
принюхиваясь и
фыркавая.

Дождь прекратился, но сквозь густой
полог всё равно пробивалось очень мало
света. Я шёл по

лесу во тьме. И видел всё больше кустов
хата'ле, но ни на одном не было ни единого
спорового стручка. Прошли часы.
Пробираясь через огромный покрытый
шипами кустарник,

я остановился, когда увидел присевшего
впереди Аула. Его голова была склонена на
бок.

Повсюду вокруг на ветвях висели круты.
Едва увидев меня, фортирователь сжал
кулак, и я

затер. Без лишних слов он осторожно

стахнул землю. Какое-то взрывное устройство было

закопано прямо под поверхностью.

Аул быстро пропущал что-то своим воинам, и те исчезли в крошке. Он повернулся ко мне.

- Пламенная мина, - тихо сказал фортировщик. - Сенсор близкого действия.

Затем и он одним прыжком скрылся в джунглях. Я осторожно обошёл ловушку, всю дорогу

поражаясь, как её заметил Аул - я перепроверил показания сканеров, но там не было ничего.

Сенсоры не замечали использованные каташунцами для мин материалы, чем бы они ни были.

Когда мы добрались до гряды Герцона, уже вечерело, и вновь начался дождь. Я осторожно

подожёл к Аулу, распластавшемуся под густым кустом. Не было видно ни следа других

кротов, но я знал, что они не могут быть далеко. Фортирователь показал на глаза, а затем

махнул когтем вперёд. Впереди была неровная поляна с тремя заметными зданиями. Одно

было низеньким и прямоугольным с большой единственной дверью и узкими щелями вместо

окон. Увенчанная спутниковыми тарелками высокая металлическая башня выступала из в

остальном плоской крыши. Второе было огромным застеклённым куполом, наполненным

зеленью и кустами, вдоль одной стороны стояли цилиндрические хранилища.

Третье здание,

стоявшее отдельно от остальных, было скорее поднятой площадкой -- восьмиугольной,

опирающейся на четыре квадратных колонны. Каждую сторону скрывали бронированные

стены, но они выглядели ржавыми и давно неиспользуемыми.

- Посадочная платформа, - прошептал я Аулү.

Он кивнул и показал на густые тени под ней.

- Там гүэ'ла. По запаху примерно тридцать. Должно быть, им не понравился дождь.

После переключения в инфракрасный режим перед глазами возник взвод противника.

Ка'ташүнцы, по причинам, которые я никогда не мог понять, брезговали бронежилетами.

Поэтому многочисленные области открытого тела, излучающей тепло, ярко высветились на

дальнее. Странно, но когда я взглядел обратно на фортирователя, он был почти такого же

цвета, как и джунгли. Очевидно, выделяемый кожей мерзкий жир был природной заменой

катуфляжа.

- Там другие, - сказал я, указав на зону между стеклянным куполом и зданием с радиобашней, где рассредоточилось ещё тридцать человек. Под

водонепроницаемым брезентом я разглядел характерные очертания двух огромных пулемётов: тяжёлых орудий, которые стреляли

заряженными кинетической энергией снарядами размером с мой кулак.

- Думаю, они нас ждут.

Аул фыркнул.

- Мы должны ударить быстро и сократить дистанцию. У нас будет мало шансов против их

тяжёлых орудий. Что прикажет Шас'о?

- Разделимся. Возьми половину бойцов и обходи слева. Устрани отряд рядом со стеклянным

куполом. Я возьму остальных и защищу зону под посадочной платформой. Затем встречается

у последнего здания.

Без лишних слов Аул пополз назад и
скрылся в подлеске. Я подобрался к навесу
как можно

ближе и обнаружил, что меня ждёт
двадцать крутов. Дюжина гончих лежала
в грязи, тихо

сопя. Я только собрался спросить, как они
добились от зверей такого послушания и
тишины, как джунгли вокруг взорвались.

Не знаю, как уж ка'ташунцы узнали, что
мы готовим атаку, но это и неважно. Они
открыли

огонь из всего, что было под рукой. Снаряд
миномёта взмыл в воздух и взорвался
среди

деревьев, обрушив на нас град огроных
обломков. Лазеры разорвали подлесок,
поразив

нескольких воинов-крутов. Их
предсмертные вопли терзали уши. Второй
снаряд рухнул прямо

среди гончих. Взрывом половину
подбросило в воздух и хорошенько
приложило о деревья.

- Вперёд! Вперёд! -- закричал я, но способные сражаться круты уже тчались к каташунцам. Я

вскочил и выбежал на поляну. Теперь я видел, что под посадочной платформой укрылись

четыре отряда. Один из них обслуживал тяжёлое орудие, и круты тчались прямо к нему. Они

взмыли в воздух, сжимая обеими руками над головой ружья, а затем обрушились на гүэ'ла,

каждым взмахом круша череп и ломая руки. Остальные три отделения каташунцев

отступили на несколько шагов и прицелились. Я понял стратегию. Они не собирались

бросаться на выручку товарищей, но были готовы дать ил умереть, пожертвовать одним

маленьким отрядом, чтобы остальные смогли расстрелять крутов в упор одним плотным

залпом.

Экзоскелет костюма-невидимки усиливал каждое движение, и я обошёл их огнём прыжком.

Стволы импульсной пушки завертелись, когда я открыл огонь. Выстрелы срикошетили от

ближайшей опорной колонны, и несколько каташунцев пригнулись, на миг забыв о крутов.

Они лихорадочно оглядывались, но из-за адаптивного камуфляжа я казался лишь размытым

пятном, призраком, ожившими джунглями.

Я -- тень.

Круты закончили истребление расчёта тяжёлого оружия и устремились к новой цели. Больше

десятка каташунцев открыло по ним огонь из примитивного лазерного оружия и снайперских

винтовок. Без толку. Сейчас круты были больше похожи на волну насилия,

мчащуюся вперёд

и сметающую всё на своём пути. Я ещё
обеспечивал их огнём прикрытием, но,
честно

говоря, круты прекрасно справлялись и
сами. Я пристрелил двух ближайших
гуэ'ла и вновь

сменил позицию.

Среди ка'ташунцев был один, которого я
принял за офицера -- на голове багровая
повязка, а

руки покрыты шрамами и татуировками.
Его оружие также было крупнее и
тяжелее, чем у

любого другого. Гуэ'ла прицелился и
выпустил разряд плазмы. Он безвредно
отразился от

генерируемого щита, забрызгав
поверхность боекостюла сверкающими
голубыми каплями. На

лице ка'ташунца появилось почти
забавное выражение поражённого неверия, а
затем

импульсная пушка разорвала его в мелкие

клочья.

На миг я затер и огляделся. От молнии по облакам прошла пурпурная рябь. Повсюду трюны. Я

заметил, что многие деревья горели несмотря на проливной дождь. Рядом две гончие терзали

упавшего ка'ташунца. Тот громко матерился и колот их боевым ножом. Он затих лишь тогда, когда звери оторвали ему руку и содрали лицо. Я видел, как взмахом ружей круты сбили

другого человека с ног, а затем безжалостно избили, ломая руки и круша рёбра. На другой

стороне поляны мелькнула оранжевая вспышка, когда один из немногих выживших

лятежников воспользовался огнёмётот. Несколько гончих охватило пламя. Они бежали

кругами, лая и скуля, пока не рухнули в затертво. На моих глазах Аул в ответ с такой силой

треснул ка'ташунца по голове, что та
почти оторвалась. В живых осталось
меньше четверти

крутов, но они окружили последнего гүэ'ла.

На миг я поверил, что Эзру Михалика
наконец-то удалось загнать в угол, и мой
пульс

участился. Подбежав ближе, я понял, что
ошибся. Это был просто другой офицер,
одетый так

же, как и только что разорванный мной, в
такой же красной повязке и с тяжёлыми

татуированными руками. В одной он
сжимал сверкающий искрящийся меч, а в
другой

пистолет. Лицо - само воплощение вызова
прищуренные глаза, оскаленные зубы.

Загнанный

зверь. Вокруг кружили три последние
гончие, рычали и щёлкали зубами, ища
возможности

наброситься. Я и не подумал прекратить
эту жестокость. Круты наслаждались
представлением, ну и славно. У меня своя

обыча.

В стеклянном куполе не было движения. Из этого следовало, что единственным возможным

местоположением Михалика остаётся здание с плоской крышей. Одинокая дверь не выглядела

настолько крепкой, чтобы я не смог её выбить... но я уже учёный. В ней точно будет ловушка

или внутри притаилось полдесятка хорошо вооружённых солдат. Я последовал примеру

крутов и просто присел, а затем сильно оттолкнулся. Усиленные ноги костюма и вспомогательные рывковые двигатели подбросили меня вверх. Во время снижения я прижал к

животу ноги и начал стрелять из импульсной пушки по кровле. Приземлившись, я вновь

ударил ногами, пробил крышу и рухнул на корточки.

И открыл шквальный огонь. Импульсные

разряды искрились и трещали, когда
попадали в

столы и кресла, разбивали компьютерные
экраны, били стёкла и переворачивали
деревянные

ящики. Показания счётчика боезапаса на
дисплее быстро уменьшались. Наконец, я

остановился. Здесь никого не было. Меня
окружало всевозможное разбитое
электрическое

научное оборудование, но быстрая
сенсорная проверка показала, что внутри
не было ничего

живого. На миг я задумался, не было ли всё
здание ловушкой, которая может
взорваться и

разнести споры по Киферии, а затем
встроенные в доспех звукоуловители
засекли что-то

внизу. Я заметил в углу лестничную
клетку, подошёл и осторожно взглянул
через перила.

Металлические ступени исчезали в
подвале. Я усилил фоновый шум и разобрал

отчётливый

звук бегущих ног.

Ну конечно, - подумал я, спускаясь следом, - беи и беги. Вот что ты бы выбрал, Эзра. Не

славный последний бой. Не почётное самоубийство. Просто сбежать и жить, чтобы

сражаться потом. Не в этот раз.

У основания лестницы начинался глинный прорубленный в скале проход. Двери вводили

вправо и влево. Я следовал за звуками, пробираясь через полные кроватей комнаты и

большую столовую, где на тарелках стояла ещё горячая еда. В конце прохода была лишь одна

дверь. Я шагнул внутрь и был встречен очередью лазерного огня. Специально установленные

на боекафандр дополнительные пластины брони поглотили большую часть, но я ощутил в

левом плече горячий укол боли, когда
вломился в следующую комнату. На
лицевой пластине

вспыхнул сигнал тревоги, сообщая, что
костюм пробит. Уже через секунду
раздалось

успокаивающее шипение, когда в кровь
автоматически впрыснули
болеутоляющие, и

произошла местная обработка раны.

Я ворвался в зал генератора. Четыре
огромных квадратных термоядерных
реактора стали

укрытием для небольшого отряда
ветеранов-телохранителей Михалика. В
противоположной

стене была выглядевшая тяжёлой
взрывостойкая дверь с панелью управления,
у которой

суетился Эзра. Я поднял импульсную
пушку, но не успел выстрелить - на меня
набросились

его солдаты. Трое схватили меня за
поясницу, пытаясь повалить. Я склонился

вперёд и унёсся

ногами в дверь. Четвёртый включил
глинное оружие ближнего боя с
затупленными

металлическими зубцами, которые
закружились и взвыли. Он обрушил меч на
шлем. Когда

треснула лицевая пластина, моё лицо
ужалили сотни порезов, но медицинские
системы

костюма сделали даже такую боль
далёкой и незаметной.

Я отбил пиломеч в сторону импульсной
пушкой, а затем изо всех сил ударил
капашунца в

лицо. Хрустнули хрящи, из разбитого
носа полетели брызги крови, и солдат
отшатнулся.

Затем я обрушил на его товарищей вихрь
ударов локтями и пинков голенью по
бёдрам, пока

не смог их отбросить. Я застрелил
капашунцев прежде, чем те пришли в
себя.

Михалик замер. В кобуре на его поясе лежал пистолет, а на одну руку была надетая необычно

большая механическая перчатка. Тяжёлая дверь открылась. За ней я мог разобратъ вертикальный туннель и лестницу. Внутрь зала проник тёплый ветер.

Глаза Эзры сверкнули.

- Ну, - медленно сказал он. -- Полагаю, ты не намерен дать мне убежать. Значит ты здесь, чтобы уважительно потребовать мою капитуляцию?

Я наставил на него пистолет.

- Ох, - гудела кивнул. -- Ну ладно.

Михалик бросился вперёд со скоростью, которой я от него не ждал. Одну руку он прижал к

телу как щит, а другой, несущей механический кулак, замахнулся, чтобы нанести

сокрушительный удар. Эзра мог бы и убить меня, не будь эта штука такой тяжёлой и

громоподобной. Её неуклюжесть сработала на

меня. Я схватил Эзру за майку и
использовал его же

движение, чтобы швырнуть каташунца на
пол. Михалик рухнул с грохотом и
попытался

ударить меня в бедро бронированным
кулаком. Я прижал его ногой к полу и
выстрелом

импульсной пушки оторвал предплечье.
Металлическая рука с грохотом
покатилась прочь.

Из обрубка фонтаном забила кровь. Эзра
уже начал задыхаться, но я на всякий
случай двинул

сильными пинками сломал ему обе ноги.
Затем, продолжая держать за майку,
поволок по

коридору к лестнице.

- Что... что ты... что ты делаешь? -
выдавил Михалик.

Я спокойно ответил, что пообещал себе
скормить его зверям.

Снаружи всё ещё шёл дождь. Круты
пожирали мёртвых гуэла, отрывали куски

и бросали

свежее истекающее кровью мясо в клювы.
Они поднялись, когда я вышел.

Я бросил Михалика в грязь. Подошёл Аул.
Он прищёлкивал клювом -- так грубое
существо бы

облизывалось при виде особенно вкусной
пищи. Вокруг начали собираться
остальные крuty.

Глаза вожака мятежников расширились
от понимания, что его ждёт.

- Шас'о Пра... -- Эзра задыхался. -- Похоже...
зря... я тебя так звал.

- Нет. На самом деле ты не ошибся.

Я не отворачивался, когда крuty его
пожирали. Не пытался ментально
блокировать полные

боли крики. Просто стоял. Не чувствуя ни
сожалений, ни отвращения, ни жалости.
Даже не

ощущая удовлетворения от возмездия. Не
чувствуя вообще ничего. Внутри был
абсолютный

холод. Тогда я принял имя, которое мне

гал гүэ'ла. Михалик назвал меня тенью
командующего. Он хотел меня оскорбить,
но теперь я отношусь к этому по-другому.
Я стану

Шас'о Ало'рра -- командующим Холодная
Тень -- и буду всюду, где спрячутся враги
тау...

неуловимым... безжалостным.

Нужно было разделаться и с другими,
меньшими группами ка'ташунцев.
Поэтому я приказал

оставшимся на орбите крутам
высадиться на поверхность Киферию.
Спустил их с цепи и

направил в дикие земли устранить любое
встреченное сопротивление. Какое-то
время это

прекрасно работало. Их дикость была
более чем ровней гневу мятежников, а
животы

раздулись от плоти врага. В целом
Киферию удалось утирить. Однако
недавно я начал

получать тревожные доклады. Круты

начали носить на головах красные банданы
и всё чаще

отказываются повиноваться приказам
своих командиров-тау. Они говорят на
языке гүэ'ла,

когда думают, что их никто не слышит.
Возможно самое неприятное открытие я
сделал в

недавних разговорах с фортирователем
Аүлом. Он начал звать меня Шас'о Пра.

...